

УДК 81'37+821.161.1+811.161.1+929Салтыков-Щедрин

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ КОНЦЕПТА «ГОСУДАРСТВО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В. Н. Ерохин

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Предметом настоящей статьи является реконструкция некоторых лексико-семантических черт и особенностей концепта «государство» в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина. Анализируется понятие власти, связанное со злом, в контексте европейских утопических идей.

Ключевые слова: *русский язык и литература, лексика, семантика, поэтика*

Олицетворением зла, связанного с властью, в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина является Угрюм-Бурчеев, «бывший прохвост», как представляет его летописец из «Истории одного города» [7, т. 8, с. 279]. В данном случае характеристика персонажа прямо задаётся его именовани-ем: значение слова *прохвост* – просторечное от «профос» – военный парашник, убирающий в лагере все нечистоты, военный палач, а также негодяй, подлец. Кроме того, эти значения обыграны в тексте. Сравним характеристику градоначальника со стороны обывателей в «Органчике»: «*И откуда к нам экой прохвост выискался!*» – *говорили обыватели, изумлённо вопрошая друг друга и не придавая слову “прохвост” никакого особенного значения*» [7, т. 8, с. 265] (любопытно, что в словаре В. И. Даля никакого особенного значения, т.е. «негодяй», «подлец» у слова «прохвост» не отмечено [4, с. 523]). Но «*Угрюм-Бурчеев был прохвост в полном смысле этого слова. И потому только, что он занимал эту должность в полку, но прохвост всем своим существом, всеми помыслами*» [7, т. 8, с. 403]. Однако *прохвост* – не единственное его наименование в «Истории одного города». В речи обывателей он именуется *сатаной*, в речи издателя – *идиотом*, *прохвостом* и многозначительным *он*. Все эти наименования отнюдь не равнозначны. Следует отметить, что в повествовании они последовательно сменяют друг друга: сначала *сатана*, затем *идиот*, потом *прохвост* и, наконец, *он*. *Сатаной* именуют его обыватели города Глупова, при этом издатель не принимает такой характеристики Угрюм-Бурчеева: «*...отсюда же далеко не заслуженное название “сатаны”, которое народная молва присвоила Угрюм-Бурчееву*» [7, т. 8, с. 398]. Именование *сатана* связано с понятием мистического зла, действующего и целенаправленного (т.е. возникает дополнительный анагогический смысл, по терминологии средневековых схоластов, сверхсмысл, соотносимый с божественным откровением; «Сатана <...> враг человеческого рода, царь ада и повелитель бесов <...> воля и действия которого есть центр и источник мирового зла» [1, с. 485]), что соответствует позиции глуповцев по отношению к Угрюм-Бурчееву, который внушает им ужас.

В дискурсе издателя Угрюм-Бурчеев именуется *идиотом* со следую-

щей характеристикой: «Перед глазами зрителя восстаёт чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом» [7, т. 8, с. 399–400]. В данном случае слово *идиот* употреблено едва ли не в прямом значении (человек, страдающий врождённым слабоумием) и не развивает дополнительных смыслов, как *сатана*. Напротив, смысл наименования *идиот* максимально очищен от каких-либо ассоциаций. Он не зол и не добр, он – никакой. Его нельзя даже назвать безумным, поскольку он вне ума, вне всякой мысли. *Идиот* – это автомат, действующий по заранее заданной программе. *Бессознательность*, соединённая с властью, делает его неостановимым: «Там, где простой идиот расшибает себе голову или наскакивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бессознательные злодеяния вполне беспрепятственно» [7, т. 8, с. 400]. Ещё более просто, механистично и страшно именование Угрюм-Бурчеева выделенным местоимением *он*. Примечательно, что так он начинает называться с того момента в сюжете, когда окончательно созревает решение разрушить город. Употребление дейктического слова в качестве имени персонажа свидетельствует о его полной обезличенности (о полном «упразднении естества», по словам летописца [7, т. 8, с. 399]).

Человек в данном случае превращается в голую функцию, определяемую его положением в какой-либо структуре (в данном случае – в административной иерархии). Функциональность персонажа подчёркивается и другими способами. Прежде всего, это речь Угрюм-Бурчеева. Она включает 20 высказываний: пять раз повторяется вопрос «Зачем?» [7, т. 8, с. 408–411], четыре раза императив «Гони!» [7, т. 8, с.], два раза – квазимодальное высказывание «Уйму! я её уйму!» [7, т. 8, с. 412–414] и по одному разу – следующие высказывания (в порядке их появления в тексте): «Я хочу доказать!» [7, т. 8, с. 402], «Казар-р-мы!» [7, т. 8, с. 407], «Кто тут?» [7, т. 8, с. 408], «Ломай!» [7, т. 8, с. 411], «От сих мест – до сих!» [7, т. 8, с. 412], «Тако да видят людие!» [7, т. 8, с. 413], «Напра-во кру-гом! за мной!» [7, т. 8, с. 415], «Здесь!» [7, т. 8, с. 415], «Придёт...» [7, т. 8, с. 425]. Все высказывания Угрюм-Бурчеева либо повелительные, либо вопросительные, либо квазимодальные, т.е. они лишены реальной референции. Между тем, данные высказывания с достаточной полнотой описывают «мировоззрение» (и даже особый «художественный» мир Угрюм-Бурчеева). Получается как бы мир в мире, роман в романе. В самом деле, здесь есть замысел (идея) – «казармы» [7, т. 8, с. 407], есть программа его реализации (т.е. текст) – «Направо кругом! за мной!» [7, т. 8, с. 415], «Гони!» [7, т. 8, с. 412], «Ломай!» [7, т. 8, с. 414], «Здесь!» [7, т. 8, с. 415], «От сих мест– до сих!» [7, т. 8, с. 412] и, наконец, мораль – «Тако да видят людие!» [7, т. 8, с. 413]. Всё определено и выверено. В дискурсе издателя программа Угрюм-Бурчеева названа «систематическим бредом» [7, т. 8, с. 403]. Не случайно слово *бред* с дериватами употребляется 14 раз и только в главе о последнем градоначальнике.

Программу Угрюм-Бурчеева, устройство придуманного им города Непреклонска и «Историю одного города» в целом можно смело характеризовать как антиутопию, притом в самом широком смысле. Если связи щедринского текста с литературными утопиями уже были предметом изучения [3], то аналогии с идеями еретических смут в Европе XI – начала XIV вв. ещё требуют рассмотрения. Вряд ли можно говорить в данном случае о прямой проекции текста «Истории одного города» на деяния и призывы апостольских братьев, но некоторые вполне очевидные аналогии найти можно.

Еретики призывали вернуться к первохристианству, к апостольской простоте. Таков же был идеал Угрюм-Бурчеева: *«Прямая линия, отсутствие пестроты, простота, доведённая до наготы, – вот идеалы, которые он знал и к осуществлению которых стремился»* [7, т. 8, с. 397]. Сравним историческую семантическую близость слов *простой* и *прямой*, отмеченную у М. Фасмера: «др.-русск. *простъ* “прямой, открытый, свободный, простой” <...>болг. *прост* “простой, прямой”» [8, с. 380]. Подчеркнём, что простота – достаточно частая характеристика начальника у Щедрина. Прост был бригадир Фердыщенко, прост был и ястреб в сказке «Ворон-челобитчик» [7, т. 16, кн. 1, с. 329]. Другая установка братьев на отказ от собственности и обобществление имущества может быть соотнесена с идеями Семёна Козыря, отца Ионы Козыря, с которого начинается «мартиролог глуповского либерализма» [7, т. 8, с. 419]. Семён, после того как Фердыщенко отписал всё его имущество на себя, *«стал проповедовать, что собственность есть мечтание, что только нищие да постники взойдут в царствие небесное, а богатые да бражники будут лизать раскалённые сковороды и кипеть в смоле»* [7, т. 8, с. 417]. Идея отказа от собственности и обобществление имущества восходит к следующему контексту из «Деяний апостолов»: *«Все же верующие были вместе и имели всё общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца...»* (Деян 2:44–46).

Важной частью антиеретического движения явился жестокий крестовый поход папы Иннокентия III против альбигойцев в 1209 г. В стихотворном эпосе Ленау «Альбигойцы» (Die Albigenser, 1842) присутствует эпизод, повествующий о выкалывании глаз захваченных еретиков [5]. В этой связи обращает на себя внимание глава «Войны за просвещение», в которой градоначальник Бородавкин жестоко подавляет пассивное сопротивление глуповцев: *«Через полчаса Бородавкин, обременённый добычей, въезжал с триумфом в город, влача за собой множество пленников и заложников. И так как в числе их оказались некоторые военачальники и другие первых трёх классов особы, то он приказал обращаться с ними ласково (выколол, однако, для верности глаза), а прочих сослать на каторгу»* [7, т. 8, с. 348].

Победа в «войнах» была одержана с помощью оловянных солдатиков, которые преобразились, превратившись в жестоких воинов: *«С ними происходило что-то совсем необыкновенное. Постепенно, в глазах у всех, солдатик начали наливать кровью. Глаза их, доселе неподвижные, вдруг стали вращаться и выражать гнев; усы, нарисованные вкривь и вкось, встали на свои места и начали шевелиться; губы, представлявшие тонкую розовую черту, которая от*

бывших дождей почти уже смылась, оттопырились и изъявляли намерение нечто произнести. Появились ноздри, о которых прежде и в помине не было, и начали раздуваться и свидетельствовать о нетерпении» [7, с. 346].

История оловянных солдатиков может указывать и на утопию Ф. Бэкона «Новая Атлантида» (1614) [2], жители которой используют множество механизмов для облегчения своего труда и даже заменяют утраченные естественные органы людей искусственными, и на крестовый поход против еретиков папы Иннокентия III, под началом которого находились закованные в броню рыцари.

Сюжет с Бородавкинским интересен ещё одним мотивом. Нововведения градоначальника, в частности, распространение горчицы, из-за которой и началась первая война «за просвещение», встретили не только пассивное сопротивление глуповцев: *«Явился проповедник, который перелагал фамилию “Бородавкин” на цифры и доказывал, что ежели выпустить букву р, то выйдет ббб, то есть князь тьмы. Ходили по рукам полемические сочинения, в которых объяснялось, что горчица есть былие, выросшее из тела девки-блудницы, прозванной за своё распутство горькою, – оттого-де и пошла в мир “горчица”» [7, т. 8, с. 340].*

Апокалиптические мотивы конца света (антихрист и блудница), как известно, лежали и в основе средневековых ересей, провозгласивших близкое пришествие Царствия Небесного и призывавших к покаянию и отказу от ответственности. Особый спор шёл о сроках и числах, толкуемых по-разному.

Книга Ионки Козыря «О водворении на земле добродетели» при всей расплывчатости её содержания также соотносима с идеями катаров о братстве: не случайно себя они называли апостольскими братьями: *«Сожительство добродетельных с добродетельными, отсутствие зависти, огорчений и забот, кроткая беседа, тишина, умеренность – вот идеалы, которые он проповедовал...» [7, т. 8, с. 418].*

Аналогии в «Истории одного города» (глава «Подтверждение покаяния. Заключение») об Угрюм-Бурчееве) и в книгах Кампанеллы и Мора, как было сказано выше, описаны достаточно подробно [3]. Хотелось бы лишь добавить, что, кроме предпоследнего градоначальника, с «Утопией» связан и Ионка Козырь. Именно козырь *«после продолжительных странствий по тёплым морям и кисельным берегам возвратился в родной город и привез с собой собственного сочинения книгу под названием: “Письма к другу о водворении на земле добродетели”» [7, т. 8, с. 415].* Так и у Мора рассказчиком об идеальном государстве является моряк, путешествующий вместе с Америго Веспуччи. Либералы, таким образом, не противопоставлены у Щедрина общему идейному строю «Истории...». Отметим также, что слово *утопия* (в вариантах *утопист* и *утопизм*) встречается в тексте дважды: в первом случае так характеризуется Бородавкин, а во втором – Козырь.

Основной материал щедринской антиутопии сосредоточен, конечно, в главе, повествующей об Угрюм-Бурчееве. Географическое и социальное устройство придуманного им города Непреклонска поразительным образом соответствует устройству «Города Солнца» и «Утопии». Фантастические размышления Угрюм-Бурчеева очевидно коррелируют с мифом о пещере Платона в

седьмой книге «Государства» [6]: *«Это был какой-то таинственный лес, преисполненный волшебных сновидений. Таинственные тени гуськом шли одна за другой, застёгнутые, выстриженные, однообразным шагом, в однообразных одеждах, всё шли, всё шли... Все они были снабжены одинаковыми физиономиями, все одинаково молчали и все одинаково куда-то исчезали...»* [7, т. 8, с. 403].

Только платоновские тени на стенах пещеры, конечно же, не были одинаковыми. Однообразие одежд и лиц указывает на утопические сообщества, в которых регулируется приготовление пищи, покрой одежды и архитектура зданий: всё должно быть одинаково прекрасным.

Борьба Угрюм-Бурчеева с рекой и перенесение города на новое место соответствуют идеям Ш. Фурье («Теория четырёх движений и всеобщих судеб», 1808) [9] о несовершенном природном устройстве и необходимости поэтому сдвинуть земную ось в целях улучшения климата. Мечты градоначальника могут заходить и дальше. В его «систематическом бреде» [7, т. 8, с. 403] об устройстве правильного города различия между сторонами света вообще отсутствуют: *«Все дома окрашены светло-серою краской, и хотя в натуре одна сторона улицы всегда обращена на север или восток, а другая на юг или запад, но даже и это упущено было из вида, а предполагалось, что и солнце и луна все стороны освещают одинаково и в одно и то же время дня и ночи»* [7, т. 8, с. 404].

Воображение и проекты Угрюм-Бурчеева не знают границ: *«Погасить солнце, провертеть в земле дыру, через которую можно было бы наблюдать за тем, что делается в аду, – вот единственные цели, которые истинный прохвост признает достойными своих усилий»* [7, т. 8, с. 414].

Фурье тоже увлекался абсурдными проектами по превращению морской воды в лимонад или росы – в благовонную жидкость, за что в прессе его называли сумасшедшим. Угрюм-Бурчеев – идиот. Градоначальник имеет и другие общие с утопистом черты. Фурье мог работать без сна длительное время – у Угрюм-Бурчеева была *«бессонная ходьба по прямой линии»* [7, т. 8, с. 421].

Примеры параллелей «Истории одного города» и разнообразных утопических теорий можно множить и множить. В данном случае следует говорить не о полемике Щедрина с конкретными утопиями, а о принципиальной антиутопической установке сатирика, которая конструирует весь художественный мир его государства.

Список литературы

1. Аверинцев, С. С. Сатана [Текст] / С. С. Аверинцев // Мифологический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – С. 485–486.
2. Бэкон, Ф. Новая Атлантида [Электронный ресурс] / Ф. Бэкон. – Режим доступа: <http://www.ashtray.ru/main/ub/newatlant.htm>. –Дата обращения: 10.02.2012. –Загл. с экрана.
3. Головина, Т. Н. «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: Литературные параллели [Текст] / Т. Н. Головина. – Иваново : Издательство ИвГУ, 1997. –75 с.

4. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. III. – 555 с.
5. Ленау, Н. Альбигойцы. [Электронный ресурс] / Н. Ленау. – Режим доступа: http://www.historyx.ru/brokgaus_efron4/page/albigoytsy4863. – Дата обращения: 10.02.2012. – Загл. с экрана.
6. Платон. Государство. VII книга [Электронный ресурс] / Платон. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/resp7.htm>. – Дата обращения: 10.02.2012. – Загл. с экрана.
7. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений [Текст] : в 20 т. (24 кн.) / М. Е. Салтыков-Щедрин ; редкол.: С. А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. – М. : Художественная литература, 1965–1977. – Т. 8 : Помпадурсы и помпадурши. 1863–1874. История одного города. 1869–1870. – 1970. – 434 с. – Т. 16. – Кн. 1 : Сказки. 1869–1886. Пёстрые письма. 1884–1886. – 1974. – 526 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1967. – Т. III. – 827 с.
9. Фурье, Ш. Теория четырёх движений и всеобщих судеб [Текст] / Ш. Фурье. – М. : Соцэкгиз, 1938. – 312 с.

ABOUT ONE ASPECT OF THE CONCEPT “STATE” IN THE ART WORLD OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

V. N. Erokhin

Tver State University
Russian language department

The subject of this article is to reconstruct some of the lexical-semantic features and characteristics of the concept of “state” in the art world of Shchedrin. Analyzed the concept of power associated with evil in the context of European utopian ideas.

Keywords: *Russian language and literature, vocabulary, semantics, poetics*

Об авторах:

ЕРОХИН Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, e-mail: erovuyach@mail.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.